

INSPIRIA

БЛИЗНЕЦЫ из АУШВИЦА

Заря над пеплом

Роберта Каган

INSPIRIA

Роберта Каган
Близнецы из Аушвица.

Заря над пеплом

Серия «Novel. Женщины
войны. Близнецы из Аушвица»

Серия «Близнецы из Аушвица», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73293743
ISBN 978-5-04-240624-9

Аннотация

ПЕРВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СЕРИАЛ О ХОЛОКОСТЕ.

Бестселлер Amazon.com.

Аушвиц – место, где детство заканчивается, а выживание становится единственной целью.

Во время депортации семья Айзенбергов оказывается разорвана. В хаосе переполненного вагона Наоми получает шанс спастись – но какой ценой? Сможет ли она выжить в одиночку и снова увидеть дочерей?

Шошана и близнецы Перл и Блюма попадают в самое сердце лагерного ужаса – в бараки доктора Менгеле. Здесь дети становятся объектами экспериментов, а каждый день может стать

последним. Что поможет им выстоять – страх или связь между сестрами?

Рядом с Менгеле работает врач Эрнст, все глубже втянутый в лагерную машину смерти. Сможет ли он сделать выбор между подчинением и человечностью, когда цена ошибки – жизнь? Тем временем за пределами лагеря Жизель приближается к опасной тайне своего происхождения. Не зная, к чему приведет этот поиск, она делает шаги, которые могут оказаться роковыми...

Но даже если кому-то удастся спастись, война не заканчивается вместе с лагерями...

Третий том трилогии «Близнецы из Аушвица» – финал драматической саги о Холокосте, выборе, побеге, любви и возмездии.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	29
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Роберта Каган

Близнецы из Аушвица.

Заря над пеплом

Roberta Kagan

THE AUSCHWITZ TWINS (The Auschwitz Twins Series

#3)

Copyright © 2022 by Roberta Kagan

© Голыбина И. Д., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление, ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1

Варшавское гетто, Польша, зима 1942 года В переполненном вагоне для скота

Вагон содрогнулся, когда охранник захлопнул тяжелые двери. Этот звук пронзил сердце Наоми Айзенберг, словно нож мясника. В вагоне стало темно. Лишь тоненькие лучики света пробивались внутрь сквозь щели между досками.

Поезд дернулся, тронулся с места и покатился вперед. Все вокруг были потрясены и взволнованы. Люди наполняли вагон от стены до стены, тесно прижатые друг к другу. Никогда раньше Наоми не стояла в такой близости от незнакомцев. Напуганные пассажиры громко разговаривали, пока их не заглушил свисток паровоза. В ноздри бил запах пота. Он мешался с еще одним, странным: острым, въедливым, тошнотворным. Наоми решила, что это запах страха и отчаяния, а еще – более вероятно – безнадежности.

Она дрожала всем телом. И не только потому, что не знала, куда их везут. При посадке в поезд ее разлучили с тремя их детьми. Она понятия не имела, где сейчас ее дочери, и была в ужасе. Дети были всей ее жизнью, без них она не представляла себя. Хершель, ее муж, стоял с ней рядом. Ей

отчаянно хотелось обратиться к нему за утешением. О, если бы он был из тех мужчин, кто обнимет в трудную минуту и прижмет к себе! Но Наоми знала, что он не такой. Хершель был холоден и даже в страхе и тревоге не повернулся бы к ней, чтобы они могли успокоить друг друга. Наоборот, он отдалялся еще сильнее. Тем не менее, хотя она не рассчитывала получить от него тепло или поддержку, сейчас Наоми нуждалась в нем. И была согласна на любые крохи, которые он пожелал бы ей дать.

Об их браке договорились родители – по инициативе ее отца. И хотя Наоми уступила его желаниям, отношения между ней и Хершелем так толком и не сложились. Они были слишком разные. Он, самоуверенный и суровый, ни за что не показал бы никому свою слабость. Наоми же была сама теплота и нуждалась в душевной близости. Сейчас, когда они стояли в толпе незнакомцев, внутри у нее все кричало. Ей нужен был Хершель, чтобы выговориться. Она нуждалась в утешении. И хотя ему никогда не удавалось усмирить ее тревогу, она все-таки рассчитывала на то небольшое облегчение, которое мог ей доставить знакомый голос. Больше поговорить ей было не с кем. Она не знала никого в вагоне. И ей было невыносимо находиться в темноте, в поезде, дергающемся на рельсах, наедине со своими мыслями.

– Я вся дрожу. Что будет с нашими девочками? Я не знаю, где они, – обратилась Наоми к Хершелю тоненьким голоском. – Я с ума схожу от тревоги за них. О, как бы мне хоте-

лось, чтобы они были с нами. По крайней мере, мы встретили бы то, что нас ждет, вместе – как семья. А сейчас единственное, что мы можем, – волноваться за них.

– Не тревожься так. Вечно ты делаешь из мухи слона. Они либо сядут на следующий поезд, либо уже едут в этом, просто в другом вагоне. Все будет хорошо. Вот увидишь. Шошана за ними присмотрит, – холодно ответил он.

Все вышло, как она ожидала. Хершель замкнулся в себе. *«С тем же успехом я могла бы быть здесь одна, – подумала она. – Он не способен дать мне то, в чем я нуждаюсь. Никогда он не мог мне дать то, что я хочу».*

Наоми прижалась к мужу, но он отстранился.

– Нам обещали совсем другое, когда говорили, что, если мы сядем в поезд, нас отвезут туда, где у нас будет лучшая жизнь. Нас уверяли, что поезд будет удобным. Но это была ложь. Где их удобство? Только посмотри на нас. Мы набились как селедки в бочку. Я едва дышу. И люди уже начали пользоваться ведром вместо туалета. От запаха меня вот-вот вывернет наизнанку. Правда, меня сейчас стошнит, – пожаловалась Наоми.

– Знаю. И ты права. Все так и есть. Нацисты – наглые обманщики. Я должен был это предвидеть. Но не вышло. Я позволил им себя обмануть. Согласился им поверить. И сейчас рву на себе волосы, что доверился этим ублюдкам. Я ведь неглупый человек. Как я мог купиться на их ложь? – сказал Хершель. В его голосе были горечь и ярость. Он обхватил

себя обеими руками, пытаюсь отгородиться от незнакомцев, напавших с обеих сторон.

– Как думаешь, куда нас везут? – спросила Наоми.

– Кто знает? У них собственные соображения, свои планы на нас и все такое. Нацисты выглядят как люди, но, скажу тебе, они вообще нечеловеческие существа.

– Хотела бы я знать, куда мы едем и сколько еще времени нам предстоит провести в этом поезде.

Он вздохнул.

– Если строить предположения, я бы сказал, что нас, скорее всего, везут туда, где собираются заставить работать. Почему бы нет? Они сообразили, что могут использовать нас как бесплатную рабочую силу. Мы же всего лишь евреи! – горько воскликнул он.

– И на какую работу нас могут поставить?

– Понятия не имею. Но предполагаю, что эта работа будет нелегкой. С другой стороны, для тяжелой работы нужны силы, поэтому им придется нас кормить. Остается надеяться, что в конце концов мы придем к выводу, что правильно поступили, сев в этот поезд.

– Очень надеюсь. В гетто мы вечно ходили голодные. Пайков едва хватало, чтобы выжить, – сказала Наоми.

– Да уж, пайки в гетто были кошмарные. Если бы не парнишки, торгующие на черном рынке, у которых я покупал дополнительные продукты, мы бы все умерли с голоду.

– Ох, Хершель! Мы столько времени потратили на разно-

гласия друг с другом до того, как нацисты пришли к власти. Если бы я знала то, что знаю сейчас, я бы приложила больше усилий, чтобы наладить наши отношения.

– Да, – мягко сказал он.

– Ты тоже жалеешь? – спросила Наоми.

– Какой смысл в сожалениях? – ответил Хершель. – Сейчас мы здесь. Давай думать о хорошем. Возможно, нас везут туда, где мы будем получать больше пищи и заживем лучше.

– Вот бы только я могла обнять моих дочек! – Ей хотелось положить голову ему на плечо и заплакать, но Наоми знала, что муж не одобрит такого жеста. Он осторожно освободится от нее, как делал всегда, стоило ей оказаться слишком близко.

– Ладно, послушай меня, – заговорил он прежним наставительным тоном. – Если мы не найдем наших девочек, когда доберемся до места, то скажем нацистам, что хотим вернуться за ними в гетто, – сказал Хершель.

– И ты думаешь, они нас отпустят?

– Посмотрим. У меня есть немного денег. Если понадобится, я их подкуплю. – Он вздохнул. – Я сделаю все, что будет нужно, ради наших детей. А теперь, если ты не против, мне не хочется больше разговаривать. Мне надо побыть в покое и тишине. Разобраться со своими мыслями. Может, прислонишься к стене и попробуешь заснуть? Знаю, нелегко спать стоя. Но ты не упадешь, даже если заснешь. У тебя не выйдет – тут столько людей! Мы все прижаты друг к другу.

Она кивнула.

– Хорошо, – ответила Наоми тихо. Слезы лились у нее по щекам. *«Хорошо, что здесь темно и он не видит моего лица. Он разозлится, увидев, что я плачу. Но я не могу сдерживаться. Знаю, это грех, но мне бы хотелось, чтобы вместо Хершеля со мной был Эли. Он бы понял мои чувства. И хотя он, как и все мы, ничего не смог бы поделать, он, по крайней мере, обнял бы меня и утешил, – подумала она, но потом одернула себя. – Это эгоистичные мысли, я должна радоваться, что он в Британии со своей женой. Там они в безопасности. Наша любовь друг к другу была греховной. Но мы не смогли устоять, влюбились без оглядки. Это было неправильно, но то были лучшие дни моей жизни. Наш роман закончился много лет назад. Наверняка он о нем забыл. Но я не забыла, даже когда он женился. И никогда не забуду».*

Глава 2

Даже после всех пережитых унижений и отвратительно-го обращения в гетто с ним и его семьей Хершель Айзенберг никогда не подвергался такому скотскому отношению, как в этом переполненном поезде. И хотя он был слишком горд, чтобы признаться в этом, его обуревал ужас. До насильственного переезда в гетто он был в Варшаве востребованным юристом. Всегда держал все под контролем. И вдруг нацисты лишили его привычной власти. Он обвел глазами вагон. В каждом лучике света он видел страх и тревогу на лицах других пассажиров. Остальные спали, прислонившись к незнакомцам рядом с ними.

Ему вспомнилось, как их с Наоми разлучили с детьми. Это была вина Шошаны. Шошаны, его упрямой старшей дочери. Они не разговаривали несколько месяцев, потому что она разорвала помолвку с юношей, которого он для нее выбрал. В эти месяцы он запрещал своим младшим дочкам-близнецам на пушечный выстрел приближаться к Шошане. Но когда они увидели сестру на железнодорожном вокзале, то бегом бросились к ней. Он просил охранников позволить ему дождаться возвращения дочерей, но они лишь посмеялись и под прицелом автоматов заставили их с Наоми сесть в вагон без близняшек. И вот теперь он понятия не имел, где они.

Наоми наконец замолчала, и он был ей за это признателен. У него не было ответов на ее вопросы, а он терпеть не мог говорить, что чего-то не знает. Она стояла рядом с ним. Он слышал, как она тихонько плачет. Ему хотелось обнять ее, прижать к себе и утешить, но он знал, что, если даст малейшую слабину, его твердая оболочка треснет и он превратится в жалкое, никчемное, несчастное подобие мужчины. Поездка на поезде была тяжелой, без пищи и воды. Шли часы, и некоторых пассажиров укачивало, а кому-то приходилось облегчаться в ведро. Вонь рвоты, мочи и испражнений становилась все крепче в застоявшемся воздухе.

Женщина в нескольких шагах от Наоми держала на руках младенца, который в начале пути беспрестанно плакал. Теперь он замолчал. Хершель подумал, что ребенок, наверное, умер. Когда вагон тряхнуло на повороте, в пыльном солнечном луче он увидел лицо женщины, продолжавшей напевать мертвому младенцу колыбельную на идише и качать его. Судя по отбрасываемой ею тени, это была высокая стройная девушка в платке на голове. Ее голос, чуть хриловатый, напоминал маленькие надтреснутые колокольчики, когда она пела. Хершеля от ее песни охватила тоска, потому что женщина напомнила ему старшую дочь. *«Она примерно тех же лет, что Шошана, – подумал он. – Если бы Шошана послушалась меня и вышла за Альберта, у нее тоже мог бы сейчас быть младенец».*

Время шло, и Хершелю становилось все хуже. От невоз-

возможности держать ситуацию под контролем он мог вот-вот впасть в панику. Но пока держался. Гневный взрыв не принесет никакой пользы, только подорвет его силы. Поэтому он стоял тихо, жуя верхнюю губу, но его руки дрожали. Он наблюдал, как танцуют пылинки в тонких солнечных лучах, которые погасли, когда спустилась ночь, и снова возникли на рассвете. По этой смене света и тьмы он подсчитал, что они ехали уже трое суток.

Потом как-то утром, когда в вагон снова пробилось рассветное солнце, поезд вдруг резко затормозил. Все попадали друг на друга. Те, кто провалился в сон, проснулись. Кто-то застучал кулаками в стенку вагона с криками:

– Выпустите нас! Здесь нечем дышать! Нам надо поесть. Нам нужна вода. Прошу, помогите нам. Люди умирают!

И это была правда. Сложно было сказать, кто из пассажиров умер, а кто еще жив, настолько тесно они стояли. Но были и те, кто больше не двигался и не говорил. Хершель гадал, сколько народу умерло в других переполненных вагонах. Люди продолжали колотить в дощатые стены и двери, но никто не отзывался. Стук был такой силы, что Хершелю невольно представились их окровавленные кулаки. В конце концов спустя долгое время стук прекратился. Из разных концов вагона доносились хрипы и стоны; Хершель понял, что многие из них лишились чувств от жары, голода и переутомления.

Поезд снова тронулся. Наоми спала, прислонившись вис-

ком к стене вагона. Хершель посмотрел на жену. *«Благослови ее Господь, она может спать где угодно. Это подлинный дар, – подумал он с печальной улыбкой. – Я знаю, что она сходит с ума от тревоги по нашим дочкам, Блюме и Перл. Знаю, что она волнуется и за Шошану. Должен признать, я тоже волнуюсь. Но тревога ничего не дает. Я знаю, что ей нравится все обговаривать, но я пришел к выводу, что от разговоров становится только хуже. Слава богу, по крайней мере, сейчас она молчит и не задает никаких вопросов. И отдыхает».* Ему хотелось протянуть руку и дотронуться до ее плеча, приласкать ее и дать понять: что бы ни ждало их в будущем, они встретят это вместе. Но он не мог заставить себя это сделать. Его пальцы дрожали от желания прикоснуться к Наоми. Хершель отвернулся, чтобы не смотреть на нее.

Еще ребенком он научился скрывать свои чувства. Отец смеялся над ним, когда он проявлял эмоции. Называл его слабаком и бабой. Это глубоко задевало Хершеля, потому что он восхищался своим отцом и хотел быть похож на него. Поначалу было тяжело, но с годами стена, которую он во круг себя возвел, стала непробиваемой. К моменту женитьбы он стал молчаливым и суровым. И теперь, не имея привычки выражать свои чувства, не мог открыть жене сердце и сказать то, что хотел сказать. Он знал, что они, возможно, едут на смерть, и мечтал хотя бы раз в жизни признаться ей, как много она для него значила все годы их брака. Хершель

уже открыл рот, собираясь заговорить, высказать, что накопилось у него на сердце, но слова не шли. Вместо этого он лишь вздохнул и посмотрел на нее спящую.

Легкий ветерок задул в щель между досками. Он втянул носом воздух и сделал глубокий вдох. Потом откинул голову на дощатую стену вагона и прикрыл глаза. Хершель думал про свою старшую дочь, Шошану: они не говорили с ней почти год. Теперь он жалел об этом решении. Он знал, что близнецы ужасно по ней скучают, как и Наоми, которая была просто убита, когда Хершель выгнал Шошану из квартиры, где они жили в гетто. Тогда он сильно разозлился, а когда Хершель злился, он становился упрямым. Наоми умоляла его изменить свое решение, но он отказался. Он отсидел шиву – траур, как если бы Шошана умерла. Даже сейчас, когда он стоял в переполненном вагоне, на нем по-прежнему был траурный обрывок ткани, прикрепленный к лацкану пиджака. Он поднял руку и прикоснулся к этому лоскутку.

«Я не хочу пугать Наоми, но я не доверяю нацистам. Я не знаю, куда они нас везут. Правда в том, что мы, возможно, никогда больше не увидим Шошану и у меня не будет шанса сказать ей, что я прощаю ее и очень люблю. Как много сожалений!» – думал он. – *А мои малышки, мои чудесные близнецы, Блюма и Перл! Я должен был проводить с ними больше времени, но был слишком занят тем, чтобы производить впечатление на окружающих. Я хотел быть важным человеком – таким, каким гордился бы мой отец. Но я не пони-*

мал, что мой отец мертв, а мои дети нуждаются во мне гораздо сильнее, чем в материальных благах, которыми я их обеспечивал. О, сколько я наделал ошибок! А теперь слишком поздно и ничего уже не исправить».

Он помнил, как сердился на Блюму и Перл за то, что они побежали к сестре. Вокруг царил полнейший хаос. Он строго посмотрел на них, но девочки так боялись того, что произойдет дальше, что не послушались его, когда увидели Шошану – они кинулись обнять старшую сестру. И прежде чем близнецам представился шанс вернуться к родителям, нацисты начали заталкивать людей в вагон. Наоми с Хершелем стояли в начале очереди и уже не могли выйти из нее. Нацисты загнали их в поезд без близнецов.

Хершель покачал головой, вспоминая то утро на вокзале. Пока их не разлучили с Блюмой и Перл, которые остались с Шошаной, он не видел ничего хорошего в упрямстве и независимости старшей дочери. Он терпеть не мог этих ее черт. Женщинам не полагается быть сильными – они должны зависеть от мужчин. Но теперь ему оставалось лишь положиться на решительность Шошаны. В ней заключалась его единственная надежда на выживание дочерей. От тревог у него разболелась голова. Он готов был кричать и рвать на себе волосы, но знал, что напугает этим Наоми, и держал себя в руках. К тому же ему вовсе не хотелось позволять нацистам увидеть себя слабым и уязвимым. Что бы они ни сотворили с ним и его семьей, он будет смеяться им в лицо, потому что

Хершель Айзенберг не из тех, кто умоляет и стоит на коленях. Мольбы все равно ничем не помогут.

И снова поезд резко остановился. Люди попадали вперед. Какая-то женщина закричала. Но охранники не обратили на нее внимания. Наоми проснулась и схватила Хершеля за руку.

– Где мы? Что происходит?

– Ничего, – ответил он спокойно, хотя сам не верил своим словам. – Все в порядке. Мы просто притормозили на несколько минут. Скоро снова поедem. Спи.

Она послушалась его.

Хершель не мог сказать, сколько он простоял так, потея и прокручивая все те же тревожные мысли у себя в голове. Часы летели. Он понял, что наступила ночь, когда солнце скрылось.

Большинство людей в вагоне спали, но Хершель был на чеку. Он чувствовал – что-то происходит. Он очень устал, но не мог ослабить бдительность и задремать. *«Эти грязные нацисты не одержат верха надо мной. Я не засну и буду настороже»*. Он по-прежнему злился на себя за то, что поверил в ложь, которую скормили им немцы – что поезд повезет их в лучшее место и поездка будет удобной и безопасной. Хершель бросил короткий взгляд на Наоми. Она тихо спала. *«Хорошо, что, по крайней мере пока, она успокоилась»*. В вагоне царил странная тишина. Ребенок умер, и его нескончаемый плач прекратился. От этой мысли Хершелю стало

грустно. Ни один из пассажиров не храпел, не выпускал газов и не кашлял. Казалось, все они мертвы и его окружают призраки. Потом завыл ветер, где-то на улице ухнула сова. На мгновение Хершель смежил веки и тут услышал голоса двоих охранников. Они переговаривались сразу за стеной вагона. Хотя разговор шел по-немецки, он все понимал, потому что не только учил немецкий на юридическом факультете, но еще и знал идиш, а эти два языка очень похожи.

– Я понимаю, что они всего лишь крысы. Но мне все равно немного их жаль, – обращался один охранник к другому.

– Ты серьезно? Они ведь даже не люди. Мы знаем, что это так. Они – просто пятно на нашей отчизне. И они убили Христа.

– Но я не могу представить, что их всех казнят. Ты видел, сколько народу мы загрузили в транспорт?

– Да, видел. И в конце недели все они будут мертвы. Не будут больше топтать нашу землю. Однажды весь мир будет нас благодарить, что мы избавили его от евреев.

– Но там же женщины и дети! Мы будем убивать маленьких детей. Меня тошнит от одной мысли...

– Рольф, ты говоришь как слабак или глупец. Прошу, больше никому не рассказывай об этом. Я твой друг. Мы знакомы с самого детства. Я никому тебя не выдам. Не скажу, что тебя посещают такие предательские мысли. Но следи за тем, чтобы о них не прознали другие охранники. Если судить по твоим словам, ты не годишься для этой работы. И уж

поверь, другие на тебя донесут. Тут все жаждут признания. Сдав тебя, они могут получить повышение. Им плевать, что будет с тобой.

– Наверное, ты прав, Берт.

– Конечно, я прав. Держи рот на замке и никому не рассказывай, что жалеешь этих евреев. Неважно, кто там – женщины, дети или нет. Они все жида. Ариец должен был сильным. Ты должен был затвердить это, еще когда мы были в гитлерюгенде.

– Я старюсь быть сильным.

– Старайся лучше, потому что от этого зависит твоя карьера, а может, и жизнь, – сказал Берт.

Хершель протолкнулся сквозь толпу спящих тел и выглянул через щелку в двери вагона. Он увидел, как один из охранников уходит. Второй остался у вагона и, запрокинув голову, смотрел на звезды.

Хершель попытался подать ему сигнал – тихо, чтобы никого не разбудить.

– Пст! Я хочу тебе кое-что сказать. Ты будешь рад это услышать, – прошептал он.

Охранник повернулся и посмотрел на Хершеля. Их глаза встретились через щели между досок.

– Подойди ближе, чтобы лучше слышать, – позвал Хершель.

Рольф осторожно подкрался к двери.

– Все хорошо. Тебе ничего не грозит. Ты же видишь, мне

до тебя не добраться. Я не смогу вылезти отсюда, даже если захочу – мы надежно заперты в вагоне. Подойди еще поближе, я должен тебе кое-что сказать, – заговорщицким шепотом произнес Хершель.

Рольф приблизился еще немного.

– Что ты мне хочешь сказать? – настороженно спросил он.

– У меня к тебе предложение.

– Ты не в том положении, чтобы что-то мне предлагать.

– Может, оно и так. А может, и нет, – прошептал Хершель.

Он сильно нервничал. *«Все может пойти не так и срабатывать против меня. Но я должен попытаться».*

– В моей прошлой жизни, до Варшавского гетто, я был успешным адвокатом и очень богатым человеком.

– И какой мне с этого прок?

– А я тебе сейчас скажу. Видишь ли, перед тем как меня арестовали, я припрятал бриллиант на четыре карата. Никто о нем не знает. Он бело-голубой, чистейшей воды. Идеальный камень. Стоит кучу денег. Если заполучишь его, сможешь бросить работу. купишь себе где-нибудь хороший дом и заживешь в свое удовольствие.

– И как мне его заполучить? – поинтересовался Рольф. – Что, ты мне скажешь, где он лежит?

– Я хочу, чтобы ты отпустил меня и мою жену. Освободи нас, чтобы мы смогли сбежать в лес и попробовали там выжить. Нам понадобится запас еды и воды на два дня.

– Вот еще! Если я отпущу вас обоих, какая гарантия, что

бриллиант достанется мне? Когда я за ним приду, вы с женой будете уже далеко.

– Ладно. Тогда как насчет такого, – сказал Хершель и откашлялся. *«Я пожертвую жизнью ради нее. Она этого заслуживает за то, что столько лет мирилась со мной»*, – печально подумал он. – Тогда просто отпусти мою жену. Дай ей воды и продуктов на два дня, и я скажу тебе, где искать бриллиант. Меня можешь оставить в заложниках. Если окажется, что я солгал, можешь меня убить.

– Ты в любом случае скажешь мне, где камень, или я убью тебя прямо сейчас.

– Я слышал, как ты разговаривал с товарищем. Вы планируете убить нас в любом случае, когда мы приедем на место. Если ты убьешь меня и жену, что тебе достанется? Только наши трупы. Если не согласишься на мои условия, бриллианта тебе не видать.

– Интересная мысль.

– Да, безупречный бело-голубой бриллиант, который стоит кучу денег. Огромную кучу.

– Откуда мне знать, что ты не лжешь?

– Так ведь я останусь у тебя в заложниках. Можешь подвергнуть меня пытке, если окажется, что я солгал. Как думаешь, мне очень хочется помучиться под пытками? Вовсе нет. Когда бриллиант будет у тебя, я смогу рассчитывать на твою благодарность и на последующее освобождение. Но пока я прошу только отпустить мою жену.

– Зачем же ты спрятал бриллиант, если знал, что вас переправляют в гетто в Варшаве?

– Я собирался как-нибудь сбежать из гетто и вернуться за ним. Я дам тебе подсказку. Я его спрятал у себя в конторе. Если будешь знать, где искать, ты без труда его отыщешь. И он будет твоим. Целиком и полностью.

Хершель проработал адвокатом достаточно, чтобы знать, как выиграть в споре. Он заметил, как глаза Рольфа алчно сверкнули, и выдохнул с облегчением. *«Скорее всего, я умру. Но, по крайней мере, я выручу Наоми»*. Хершель знал, какая сила таится в молчании. Больше он не сказал ни слова. Жизнь Наоми висела на волоске, пока он, дрожа, ждал, что ответит охранник. Ему вспомнились слова его любимого университетского профессора: «Молчание – ваш сильнейший аргумент в переговорах».

Прошло несколько секунд, и наконец Рольф откликнулся.

– Думаю, я смогу это устроить. Но, если я узнаю, что ты мне наврал, еврей, ты пожалеешь, что со мной связался. Ты понял?

– Конечно.

– И... так сказать, чтобы подсластить пилюлю, я тебе тоже кое-что предлагаю.

– Да?

– Я отпущу твою жену прямо сейчас. И если ты говоришь правду и я найду камень, то и тебя тоже отпущу, как только он окажется в моих руках.

«Он лжет. Но он сообразительный, – подумал Хершель. – Он понимает: я знаю, что нас везут на смерть. И думает, что, когда отпустит Наоми, он уже никак не сможет меня наказать, если не найдет бриллиант. Поэтому он предлагает мне жизнь и свободу. Но я знаю, что он не сдержит обещания. Как только камень окажется у него, меня убьют, как и всех евреев в этом поезде».

– Не беспокойся. Камень будет у тебя. Будет твой. Конечно, я хочу жить, поэтому не стану лгать тебе. Я верю, что ты меня отпустишь, убедившись, что мне можно доверять. А теперь освободи мою жену, как мы договорились.

– Ладно, ладно. У вас есть десять минут, чтобы попроситься. Я раздобуду для нее еды и воды. Но она должна сойти с поезда через десять минут, потому что уже светает и остальные охранники скоро проснутся. Это твой единственный шанс, еврей. Больше остановок не предусмотрено до самой Треблинки.

– Через десять минут она будет готова, – сказал Хершель.

– Эй, погоди секунду, ты, мелкий изворотливый хорек. Так где бриллиант?

– Только после того, как моя жена уйдет. Тогда я тебе скажу.

– Вот что значит еврей! – Рольф расхохотался. – Ладно, я тебя прощаю. От этого же зависит твоя жизнь. А теперь иди, прощайся. У тебя десять минут. Не больше.

Хершель опустился на корточки рядом с Наоми, которая

все еще спала. Осторожно потряс ее за плечо.

– Наоми! – прошептал он в темноте, и от звука ее имени у него в голове вспыхнуло воспоминание: отец впервые говорит ему, что Наоми будет его женой.

– Хершель, что случилось? С тобой все в порядке? – спросила она.

– Я должен тебе кое-что сказать, и времени у нас мало, – начал он.

Она потерла сонные глаза.

– Да? Что такое?

– Ты сейчас сойдешь с этого поезда.

– Я? Мы, ты имеешь в виду?

– Нет, ты сойдешь одна.

– Что? Хершель, я не могу. Я должна доехать до места, чтобы встретиться с дочерьми.

– Надеюсь, они не сели в этот поезд, – сказал он таким мрачным тоном, что Наоми содрогнулась.

– О чем ты?

– Я подслушал разговор охранников. Ты должна выбраться отсюда. Я обо всем договорился.

– Что они сказали, Хершель?

Он рассказал ей.

У нее в горле запершило, она задрожала.

– Мои дети, мои девочки! – охнула Наоми. – Если это правда, что будет с ними?

У нее по щекам заструились слезы. Тут старуха, стоявшая

с ними рядом, сказала:

– Тут темно, и вы меня не узнали, но это я, пани Вайнштейн. Я услышала вашего мужа. Не волнуйтесь за своих дочек. Я видела, как они сели в грузовик. Их не загнали в поезд.

– Вы уверены? – спросила Наоми, и в ее голосе мелькнула надежда.

– Совершенно уверена, – ответила пани Вайнштейн. Она закашлялась и добавила шепотом, чтобы не побеспокоить никого вокруг: – Ваш муж договорился, чтобы вас выпустили из вагона. Послушайте его. Вы еще молоды. Если то, что он говорит, правда и нас везут на смерть, то вы, если убежите, сможете когда-нибудь воссоединиться со своими детьми. Поступайте, как вам говорит муж.

– А как же вы? – спросила Наоми пани Вайнштейн.

– Я? Я уже старая. Мой сын женился и живет в Бельгии. Он почти не приезжает повидаться со мной. Мой муж, благослови Господь его душу, скончался в прошлом году. У меня никого нет. Я не боюсь умирать.

Хершель перебил старуху. Его терпение заканчивалось: оставалась всего пара минут, чтобы убедить Наоми бежать.

– Наоми, я не всегда был тебе хорошим мужем. Я знаю, любить меня было нелегко и нелегко жить со мной. Но... – Он запнулся, но вспомнил, что это последний шанс высказать жене все, что было у него на сердце. – Я люблю тебя. Всегда любил. Я не показывал своей любви, считая это сла-

бостью. Мне всегда было тяжело выражать свои чувства. Но я предпочел спасти твою жизнь вместо своей – потому что люблю тебя. Ты должна идти. Спрячься в лесу. Держись подальше от больших дорог, где тебя могут заметить солдаты. Скрывайся, сколько будет возможно. Охранник даст тебе еды и воды на два дня. Потом будешь красть провизию с ферм по ночам. Будь осторожна. Прошу, будь очень осторожна.

Наоми не смогла удержаться. Она знала, что Хершель ненавидит, когда его вот так трогают, но ей требовалось ощутить его тепло. Она обвила шею мужа руками, положила голову ему на грудь и расплакалась.

– Я не могу уйти. Не могу отпустить тебя одного на верную смерть. И как же наши дочери?

– Со мной все будет хорошо. Я найду способ выжить, ты меня знаешь. Я ведь сообразительный, правда?

Она попыталась улыбнуться и кивнуть, но не смогла. И разрыдалась еще сильнее.

– Прошу, слушай меня. Ты должна выжить и, когда все закончится, отыскать наших дочерей.

– Мне страшно, Хершель. Я боюсь за девочек, боюсь за тебя и за себя. Я хочу остаться с тобой.

На секунду ей подумалось, не рассказать ли ему правду о Шошане – что она не его дочь. Что Шошана – ребенок от любовника, Эли. Хорошо было бы напоследок снять груз с души. Избавиться от ужасной тайны, которую она носила внут-

ри с того дня, как Шошана появилась на свет. Но Наоми посмотрела в глаза Хершеля и отказалась от этой мысли. Ни к чему ему знать правду. Это только причинит ему боль. И если он каким-то чудом выживет и воссоединится с дочерью, то никогда не сможет относиться к Шошане по-прежнему. Они и без того не ладили, поэтому ей не следовало ни говорить, ни делать ничего, что могло бы в будущем стать преградой между ними. Наоми прерывисто вздохнула:

– Я не убегу без тебя.

– Я запрещаю тебе здесь оставаться. Слушай меня, женщина.

В каком-то смысле Наоми любила его. Она знала, что сейчас он идет ради нее на великую жертву. Отдает за нее свою жизнь. Она никогда не думала, что муж настолько ее любит, и теперь жалела, что они не уделяли друг другу больше времени и не старались по-настоящему наладить отношения. А теперь было поздно. Ей предстояло бежать и скрываться в лесу, темном и страшном. В полном одиночестве.

Глава 3

Через несколько минут Рольф возник в просвете двери вагона.

– Пора, – сказал он.

– Она готова, – ответил Хершель.

– Сейчас я открою дверь. Буду целиться в проем. Это для того, чтобы больше никто не попытался сбежать. Поэтому не бойтесь, просто подойдите к двери и делайте, что я говорю.

– Хорошо, – простионала Наоми. Потом повернулась к Хершелю. – Я не хочу уходить без тебя.

– Я приказываю, – ответил он холодно. – Иди.

Рольф отодвинул дверь. Звук разбудил несколько других пассажиров. Они попытались прорваться следом за Наоми, но отступили, увидев дуло автомата.

– Вылезай!

Наоми сделала, как велел Рольф. Он с грохотом захлопнул дверь. Протянул ей маленький мешочек с продуктами и водой.

– А теперь убирайся. Ну же, давай беги в лес.

К ее ногам словно приставили крылья. Она бросилась бежать. На секунду у нее промелькнула страшная мысль: «*Он может выстрелить мне в спину*». Наоми побежала быстрее; быстрее, чем ожидала от себя. Казалось, что до надежного укрытия леса еще тысяча миль, но на самом деле он встретил

ее буквально через несколько шагов. Наконец-то она вбежала под его темную сень, в распахнутые объятия деревьев.

Рольф повернулся к Хершелю.

– А теперь говори, или, клянусь, я прострелю тебе голову.

– Конечно, я скажу. Я человек слова, – ответил Хершель и начал объяснять, где спрятано кольцо. – У меня в столе есть потайной ящик. Закрывается сдвижной панелью. Отодвинь стол от стены и найдешь пустое пространство. Сунь туда руку и вытащи тряпку. В эту тряпку завернуто кольцо с бриллиантом, – сказал Хершель.

Рольф усмехнулся с довольным видом.

– Очень хорошо. Отправляюсь его искать, как только мы прибудем в Треблинку, – сказал он.

Хершель промолчал. Только вздохнул. Он был рад, что освободил Наоми. Но когда он смотрел на место, где всего пару минут назад стояла жена, то чувствовал себя одиноким и несчастным. Слезы жгли ему глаза, но он быстро утер их, увидев мысленным взором лицо отца перед собой.

«Вот и конец, – думал он. – Кто знал, что моя жизнь закончится так? Я всегда думал, что умру в окружении внуков, которые будут меня обожать и благодарить за состояние, которое я им оставляю. Эх, я никогда не увижу своих внуков, единственное, что мне остается, – надеяться, что моя жена и дети выживут». Вонючий темный вагон для скота, сознание неминуемой смерти и воспоминания о жизни с женой и детьми заставили его понять, как много у

него было, сколько он терял и как сильно любил Наоми.

Глава 4

Шошана Айзенберг, сама еще подросток, прижимала своих восьмилетних сестер-близняшек, Перл и Блюму, к груди, сидя в палате, полной близнецов, в госпитале в Аушвице. Ни одна из них не была больна, и Шошана не понимала, почему доктор с прямыми черными волосами отправил их сюда. Кажется, его очень заинтересовал тот факт, что Перл и Блюма близнецы. Обведя глазами небольшую комнату, она поняла, что и все остальные вокруг – тоже из пар близнецов. *«Я здесь единственная без близнеца. Все точно как в кошмаре, который приснился Перл. Похоже, это все-таки было предвидение».*

С самого детства Перл снились странные сны, как и их матери. Шошана попыталась навести порядок в своих мыслях. Она видела, как ее родители садились в тот поезд. Они с Руфью тоже сели бы в него, если бы парень Руфи, нацист, не приехал на грузовике и не увез их с собой. Он сказал, что хочет спасти им жизнь. Сказал, что всех, кто сядет в поезд, увезут в Трешлинку и там казнят. Пот выступил у Шошаны на лбу, ведь она знала, что ее родители сели в поезд. Но она не могла их спасти. И времени на раздумья не было. Она отвечала за своих сестер и должна была действовать быстро. Поэтому она последовала за Руфью и вместе с сестрами залезла в грузовик. Вот как они оказались здесь, в Аушвице.

«Если то, что говорил приятель Руфи, нацист, правда – а я молюсь, чтобы это было не так, – то наши родители, скорее всего, уже мертвы. – У нее по спине побежал мороз. – Но, возможно, он нас обманул, потому что, судя по тому, что я вижу, он привез нас в какую-то кошмарную тюрьму. Доктор с темными волосами, отправивший нас в эту комнату, которую называет «палатой близнецов», выглядит в точности, как Перл описала его, когда увидела свой сон. При нашей встрече он держался вежливо, но я ему не доверяю. Он, как парень Руфи, нацист. Один из них. Каждый день мы получаем напоминания, что нацисты – не люди. Они чудовища. Только чудовища могут творить то, что творят они».

Шошана прикрыла глаза и вспомнила родителей – такими, какими видела в последний раз. Они вместе стояли в начале очереди на посадку в поезд. Мама оглянулась на нее первой. И когда их взгляды встретились, Шошане захотелось кинуться к маме в объятия. Но это было невозможно. Слишком много людей разделяло их, и вокруг царил полнейший хаос.

Потом ее сестры, Перл и Блюма, увидели ее и каким-то образом неожиданно прорвались сквозь толпу. Возможно, это удалось им, потому что они были маленькие. Когда она обняла их, ее сердце преисполнилось невероятной любовью. Много времени прошло с тех пор, как они виделись в последний раз, и она крепко прижала их к себе, вложив в эти объятия всю любовь, что хранила в своем сердце в эти оди-

нокие месяцы. Но кто бы мог подумать, что этот случайный побег, этот момент, когда сестры захотели поздороваться с ней, изменит весь ход их жизни? Потому что в ту самую минуту нацисты начали загонять людей в поезд, и, хотя мама пыталась отойти в сторону и дожидаться возвращения близняшек, нацисты затолкали ее и отца Шошаны в вагон.

«Папа такой упрямый, суровый человек», – думала она, вспоминая, как он обернулся и секунду смотрел на нее, прежде чем сесть в поезд. В его глазах не было теплоты. Они были пустые, словно она ничего не значила для него. Словно они были чужими. Она отчаянно желала получить его прощение и не получила. А теперь было слишком поздно. Она понятия не имела, увидится ли еще когда-нибудь с матерью или с отцом. Шошана знала, что ничем не сможет помочь родителям. Единственное, что в ее власти, – постараться спасти сестер.

– Куда тот нацистский охранник отправил Руфь? – спросила Шошану Блюма. Она все еще рассматривала покрасневшую кожу вокруг татуировки, которую выбили у нее на руке, когда они приехали. Шошана осмотрела ее; оставалось надеяться, что она не воспалится.

– Не знаю. Лучше бы ей позволили пойти с нами.

Когда Шошану с сестрами привезли в Аушвиц, то сначала отправили принять душ, а потом набили всем троим татуировки на запястьях. Это было больно, но ни одна не заплакала. Блюма дерзко смотрела на охранников. Перл, как все-

гда, сдалась и подчинилась. Шошана низко держала голову, надеясь когда-нибудь выбраться из этого места. Они видели, как другим заключенным брили головы наголо. Но Шошану, Блюму и Перл не отправили на бритые. Оно полагалось обычным узникам – не близнецам, как Перл и Блюма. Судя по тому, что все говорили, доктор Менгеле был очень заинтересован в близнецах. И сейчас это играло им на руку, потому что фаворитам Менгеле разрешали сохранить их волосы.

– Думаю, Руфь мертва, – тихонько шепнула Перл.

– По-твоему, ее парень-нацист нас обманул? – спросила Блюма. Потом она продолжила, качая головой: – Я вообще не могу поверить, что она завела себе парня из нацистов.

Шошана обдумала ее слова. Она была уверена, что нацист, который спал с Руфью, предал ее. Но ее сестры были еще слишком малы, чтобы обсуждать подобные вещи.

– Нет, я не думаю, что он нас обманул. Я не думаю, что он знал, в каком месте мы окажемся, – сказала Перл.

«Перл всегда ищет в людях хорошее», – подумала Шошана.

Все в семье Айзенберг знали, что у Перл есть дар предвидения. Он начал проявляться, еще когда она была совсем маленькой. Все началось с ее снов. Но порой она просто что-то знала. Это не стало сюрпризом для матери Перл, Наоми, потому что она сама обладала таким же даром. Не всегда, но часто Перл удавалось предсказывать будущее или читать мысли других людей, о которых никто не знал.

– Ты правда думаешь, он не понимал, куда нас везет? – спросила Блюма, подразумевая парня Руфи.

– Наверяд ли. Я верю, что он пытался нам помочь, – ответила Перл. – Но я боюсь. Боюсь того доктора с черными волосами.

– Ты помнишь свой сон про доктора, похожего на него? Он тебе приснился пару лет назад, – спросила Шошана.

– Помню. И я уверена, это он, – подтвердила Перл.

– Но с виду он добрый. – Шошана попыталась смягчить ситуацию для сестер. – По крайней мере, с близнецами.

– Он не добрый, – возразила Перл. – Поверь мне, нисколько.

– Я видела столько мертвецов, Шошана! Целые кучи мертвых тел. Ты их заметила? Если нацист, парень Руфи, правда был ей другом, он ни за что не привез бы нас сюда. Он – обычный предатель. Он обманул и нас, и ее. И теперь она мертва. Руфь самая молодая из всех, кто умер на моей памяти. Я имею в виду: бабби, конечно, умерла, но она была старенькая и сильно болела. А Руфь была молодой. Я до сих пор помню, о чем мы говорили, прежде чем ее увели. И вот теперь она умерла. – Блюма поежилась. Она обхватила себя обеими руками и пробормотала тихонько: – У меня живот болит. Я голодная и плохо себя чувствую.

– Я тоже, – призналась Перл. – Но боюсь, если мы кому-нибудь скажем, что заболели, нацисты сделают так, что нам будет только хуже. Видела, когда мы только приехали?

Они расстреливают людей без всякой причины. Я видела, как они расстреляли двоих, когда нас ввозили. Нацистские охранники застрелили их насмерть. Они повалились на землю, как тряпичные куклы. Уже не были похожи на людей. Там была молодая женщина и с ней ребенок. Мне показалось, маленькая девочка, но точно не скажу, потому что она была вся в крови. Они обе. Это было как в кошмарном сне. В одном из моих кошмаров. Блюма, нам надо постараться не привлекать к себе внимания. Это самое главное. Будем притворяться невидимыми, как в той игре, в которую мы с тобой играли. Поменьше попадаться им на глаза. В конце концов, зачем нацистам пара больных еврейских детей? Мне кажется, если они узнают, что мы заболели, то не станут рисковать заражением и просто расстреляют нас тоже.

– Я не хочу умирать, – прошептала Блюма. – И не хочу терять ни одну из вас. Мне очень страшно.

– Все будет хорошо. Только не шуми. Сиди тихонько, – сказала сестре Перл.

«Меня пугает, как по-взрослому держится Перл, хотя ей всего восемь. Я злюсь, что ей пришлось так рано повзрослеть. У моих бедных сестер не было настоящего детства, потому что нашу семью заперли в гетто в Варшаве. Они такие худые, потому что пайков никогда не хватало. Как это несправедливо! И вот теперь мы в этом месте, которое гораздо хуже, чем гетто. Так не должно быть. Мы не совершили никакого преступления. Единственное, что мы сде-

лали не так, – родились еврейками. Мои сестры ни в чем не виноваты. Они должны бегать на улице, играть с друзьями, а не сидеть в этой грязной вонючей тюрьме, окруженные смертью. Ни одному ребенку нельзя видеть столько смертей. Вообще никому», – думала Шошана.

Блюма взяла ее за руку.

– По крайней мере, доктор разрешил тебе остаться с нами и заботиться о нас.

Перл посмотрела на них.

– Помни, что я тебе сказала. Мы должны быть очень осторожны. Ему нельзя доверять. Ни в коем случае. Он разрешил Шошане остаться с нами, но не из доброты. Он не добрый.

– Прекрати, Перл. Мне и так невыносимо! Не хватало только твоих предсказаний, – воскликнула Блюма нервно.

Близнецы никогда раньше не ссорились. По крайней мере, в прошлом. Но сейчас Блюма была напугана, и страшные предчувствия Перл делали только хуже.

– Прости, – сказала Перл, обнимая Блюму. – Я не хотела тебя пугать.

– Как думаешь, сколько нас здесь продержат? – спросила Блюма Шошану. Та покачала головой.

Тут мальчик лет двенадцати, тоже близнец, подошел к ним.

– Здравствуйте, я Аза, – представился он. – А это мой брат, Ари. Я слышал, вы спрашивали, сколько пробудете здесь. Этого никто не знает. Мы молимся, чтобы что-то про-

изошло и мы выбрались отсюда. Но, пока Гитлер у власти, нас будут держать здесь. Остается лишь надеяться на чудо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.